

УДК 343.23

ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОЕ ПОСЯГАТЕЛЬНОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТОЛКОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Л. В. ЛОБАНОВА¹⁾, А. П. РОЖНОВ¹⁾

¹⁾Волгоградский государственный университет, пр. Университетский, 100, 400062, г. Волгоград, Россия

Подчеркивается многозначность понятия «посягательство», которое активно используется российским законодателем в тексте действующего Уголовного кодекса Российской Федерации, а также анализируется содержание понятия «общественно опасное посягательство», выступающего основанием необходимой обороны, которое вытекает из ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации. На основании анализа структуры текста ст. 37 путем сопоставления содержания ч. 1–2¹ данной статьи с учетом исторических традиций толкования причины необходимой обороны авторы приходят к выводу, что наиболее вероятный вариант основания такой обороны – это насильственное посягательство, совершаемое в форме нападения. Вместе с тем подобный подход не отвечает предназначению института необходимой обороны и сужает сферу действия соответствующего права. Отсюда авторами предлагается изменить нормативную интерпретационную практику Верховного Суда Российской Федерации в постановлении его Пленума от 27 сентября 2012 г. № 19, в котором поводом для защиты указывается не только нападение, но и любые иные общественно опасные посягательства, включая те, которые совершаются путем бездействия либо являются неосторожными. Отмечая прогрессивность данного документа, авторы все же полагают более предпочтительным изменение редакции ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации, посвященной регламентации права на необходимую оборону.

Ключевые слова: общественно опасное посягательство; необходимая оборона; нападение; насилие; бездействие; неосторожное посягательство.

SOCIALLY DANGEROUS INFRINGEMENT AS A REASON FOR DEFENSE: CERTAIN ASPECTS OF CRIMINAL LAW INTERPRETATION

L. V. LOBANOVA^a, A. P. ROZHNOV^a

^aVolgograd State University, 100 Universitetskii Avenue, Volgograd 400062, Russia

Corresponding author: L. V. Lobanova (lobanova@volsu.ru)

The article points out several interpretations of infringement actively used in current Criminal Code of the Russian Federation and analyzes the notion of socially dangerous infringement acting as a reason for justifiable defense according to art. 37 of the Criminal Code of the Russian Federation. Basing on the analysis of paragraphs 1–2¹ of this article and historical background of justifiable defense interpretation, the authors conclude that the most probable reason for defense is violent assault. However, this approach does not correspond to justifiable defense institution and narrows down the application of respective rights. This is why the authors approve amendments made by Supreme Court Plenum Resolution No. 19 of

Образец цитирования:

Лобанова ЛВ, Рожнов АП. Общественно опасное посягательство как основание необходимой обороны: некоторые аспекты толкования уголовного закона. Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2019;2:56–63.

For citation:

Lobanova LV, Rozhnov AP. Socially dangerous infringement as a reason for defense: certain aspects of criminal law interpretation. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2019;2:56–63. Russian.

Авторы:

Любовь Валентиновна Лобанова – доктор юридических наук, профессор; заведующий кафедрой уголовного права Института права.
Алексей Петрович Рожнов – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры уголовного права Института права.

Authors:

Lyubov V. Lobanova, doctor science (law), full professor; head of the department of criminal law, Institute of Law. lobanova@volsu.ru
Alexey P. Rozhnov, PhD (law), docent; associate professor at the department of criminal law, Institute of Law. rozhnov@volsu.ru

27 September 2012, according to which the reasons for defense include not only assault but also any socially dangerous infringements, including involuntary or negligent ones. While noting the progress made by this resolution, the author indicate it would be more preferable to amend art. 37 of the Criminal Code of Russian Federation regulating the right to justifiable defense.

Keywords: socially dangerous infringement; justifiable defense; assault; violence; negligence; involuntary infringement.

Введение

Первым звеном в механизме правового регулирования является государственная воля, облеченная в форму правового предписания, дозволения либо запрета. Следовательно, качество изложения данной воли в законодательном акте однозначно влияет на последующую эффективность реализации соответствующих юридических норм и успешность нормативного упорядочения того или иного сегмента общественной жизни. В значительной степени это качество предопределяется профессиональным языком закона, в котором аккумулируется специальная терминология, относящаяся к одному из ведущих средств юридической техники [1, с. 530]. Однако столь важную роль такого рода терминология способна выполнить лишь при условии соблюдения правотворцем целого ряда требований, одним из которых выступает единство содержания используемого термина [1, с. 533]. Как писал Д. А. Керимов, «термины, используемые в законодательстве, должны иметь одинаковое значение, возможность же различного их толкования может повлечь за собой нежелательные последствия в правоприменительной практике» [2, с. 69]. Сходным образом рассуждал и М. Д. Шаргородский. Критикуя П. И. Люблинского, указывавшего на относительность понятий, создаваемых юриспруденцией, и допускавшего различность их содержания в уголовном и, например, гражданском либо иных отраслях права, он справедливо считал, что «идеальным является единое значение терминов во всем законодательстве» [3, с. 171].

Основанием указанного требования служит логический закон тождества мышления, предполагающий тождественность мысли лишь самой себе, неизменность содержания одного и того же суждения. Как отмечается в учебной литературе по логике, «нельзя отождествлять различные мысли и нельзя тождественные мысли принимать за различные» [4, с. 3].

Сказанное имеет самое непосредственное отношение и к языку уголовного права. Учитывая

специфику правового положения субъектов общественных отношений, регулируемых указанной отраслью (неравенство, существенность ограничений прав и свобод), можно предположить, что негативные последствия полисемии законодательных терминов, создающей предпосылки для правоприменительного произвола, могут здесь оказаться весьма разрушительными.

Вместе с тем приходится констатировать, что избежать нарушения требования единства терминологии Уголовного кодекса российскому законодателю в полной мере не удалось. В уголовно-правовой литературе приводятся многочисленные примеры подобной юридико-технической ошибки [5, с. 114–116]. Одним из них может служить и употребление в Уголовном кодексе Российской Федерации^{1*} (далее – УК РФ) многозначного термина «посягательство», уяснение конкретного смысла которого в каждой ситуации его использования законодателем сопряжено с преодолением трудностей толкования. Авторы, утверждающие, будто полисемичность в данном случае не влияет на понимание терминологии [5, с. 114], думается, выдают желаемое за действительное. На наш взгляд, с многозначностью указанного термина во многом связана инвариантность трактовок содержания того обстоятельства, которое вызывает к жизни необходимую оборону, оправдывает ее, исключает наступление любой ответственности за вред, причиненный для отражения опасности, грозящей при этом социальным ценностям.

Мы согласны с М. Б. Костровой, справедливо признающей невозможным достижение полного отказа от использования в уголовном законе многозначных терминов, в том, что «задача законодателя состоит в уточнении значения многозначного слова за счет ближайшего контекста (ст. 37 УК РФ), в котором оно используется» [6, с. 66–67]. Однако нам представляется, что контекст ст. 37 УК РФ малопригоден для решения данной задачи.

О полисемичности термина «посягательство» в контексте его употребления в ст. 37 УК РФ

Как провозглашает ч. 1 ст. 37 УК РФ, «не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть

при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного

^{1*} Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 1 апреля 2019 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. ООО «ЮрСпектр». М., 2019.

посягательства (выделено нами. – Л. Л., А. Р.), если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия».

Из процитированного текста видно, что само состояние необходимой обороны законодатель обуславливает наличием общественно опасного посягательства. Без этого краеугольного первого условия [7, с. 52] бесперспективна даже постановка вопроса о правомерности защиты посредством причинения вреда.

Отсюда уяснение понятия «посягательство» как правоприменителем, так и обычным гражданином является принципиальным для нормального функционирования названной статьи УК РФ. Однако такое уяснение весьма затруднительно ввиду некоторой двусмысленности оговорок относительно насильственного характера поведения, отражаемого при необходимой обороне, используемых законодателем при формулировании дефиниции подобной защиты, а также в характеристике превышения ее пределов (ч. 1–2¹ ст. 37 УК РФ).

Следует заметить, что термин «посягательство» используется в УК РФ не единожды. Так, помимо ст. 37, он употребляется в Общей части УК РФ дважды: в ч. 1 ст. 2 при описании примерного перечня объектов, подлежащих охране уголовно-правовыми средствами «от преступных посягательств», и в ч. 2 ст. 20 при именовании конкретного преступления – «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля» (ст. 277), ответственность за которое наступает с 14-летнего возраста. В Особенной части УК РФ термин «посягательство» используется законодателем один раз при конструировании особо квалифицированного состава террористического акта (п. «а» ч. 3 ст. 205) и три – при описании основных составов преступлений против государственной власти, в которых жизнь человека выступает дополнительным, но обязательным объектом охраны: посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277), посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295), посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317).

Можно в связи с отмеченным предположить, что анализируемый термин используется законодателем по тексту УК РФ как минимум в двух значениях. Так, при формулировании охранительной задачи отечественного уголовного права в ч. 1 ст. 2 УК РФ термин «посягательство», наделенный эпитетом «преступное», употреблен во множественном числе как тождественный термину «преступление». Сам же по себе, судя по контексту обеих частей этой статьи, он используется в значении «опасные для личности, общества и государства деяния», от которых посредством признания их преступными

и наказуемыми необходимо защищать перечисляемые в данном базисном нормоположении ценности (права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и т. д.).

Однако при описании конкретных основных составов преступлений (ст. 277, 295, 317 УК РФ) анализируемый термин используется уже в более узком смысле, наиболее близком к его обыденному, общеупотребительному значению, нашедшему отражение в словарях русского языка, охватывающему покушение, замышление, изъявление требований, неправоые, корыстные, властолюбивые стремления и т. п. [8, с. 346]. В данных статьях Особенной части УК РФ соответствующая лексическая единица служит для построения «усеченной» модели посягательства на жизнь того или иного властного субъекта, т. е. создания конструкции, позволяющей искусственно перенести юридический момент окончания умышленного преступления на стадию покушения. Поэтому указанные преступления считаются оконченными уже вследствие одной только попытки лишить потерпевшего жизни, независимо от исхода такого посягательства [9, с. 87].

Сходным образом поступает законодатель с термином «посягательство» и при конструировании квалифицированного состава террористического акта (п. «а» ч. 3 ст. 205 УК РФ) с той лишь разницей, что здесь слово «посягательство» позволяет придавать статус оконченного фактически незавершенному деянию, являющемуся вспомогательным, а не основным в структуре состава преступления («Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они... сопряжены с посягательством на объекты атомной энергии...»).

Едва ли в ст. 37 УК РФ понятие «посягательство» употреблено в значении покушения на преступление. Ведь последнее выступает лишь частным случаем общественно опасного поведения [10, с. 165]. Неслучайно в рассматриваемой статье интересующий нас термин наделен иным эпитетом, нежели «преступное». Объектом приложения сил обороняющегося, как уже было замечено, является посягательство общественно опасное. В пользу такого вывода свидетельствует многовековая традиция реализации права на необходимую оборону, стабильно допускающая защиту, в том числе и от такого общественно опасного поведения, которое по своим субъективным свойствам не может быть признано преступным (его совершают малолетние, душевнобольные). В начале XX в. Н. С. Таганцев комментировал действовавший в то время уголовный закон так: «Нападение на нас сумасшедшего, или ребенка, или бесчувственно пьяного, вред, грозящий нам от случайных действий кого-либо, несомненно могут вызвать с нашей стороны охрану наших благ, и притом иногда такую, которая заключается в себе насилие против нападающего, уничтожение или разрушение их прав» [11, с. 421].

Но если в ч. 1 ст. 37 УК РФ под источником опасности понимается не только преступление или покушение на него, то означает ли это, что в данной статье термин «общественно опасное посягательство» идентичен по содержанию понятию «деяние, опасное для личности, общества и государства», а следовательно, – что необходимая оборона возможна от любого общественно опасного деяния, которое при наличии соответствующих субъективных признаков может рассматриваться в качестве преступного?

Положительный ответ на этот вопрос неочевиден. Напротив, законодатель, казалось бы, предпочел все для того, чтобы данный ответ исключить.

Так, в ч. 1 ст. 37 УК РФ правотворец вместо того, чтобы предложить общую дефиницию необходимой обороны, описывает содержание защиты, при которой обороняющийся вправе причинять нападающему любой по характеру вред, вплоть до лишения жизни, и называет основанием для такой обороны посягательство, сопряженное «с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия». При этом одним только упоминанием о насилии при характеристике деяния, обусловившего подобную оборону, или об угрозе применения такого насилия законодатель вольно или невольно формулирует у адресата уголовно-правовой нормы представление об основании необходимой обороны как исключительно насильственном действии, нападении.

Мало что меняет в этом отношении и ч. 2 анализируемой статьи, устанавливающая пределы обороны для «посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с угрозой применения такого насилия». Предположение, что здесь законодатель, устанавливая границы защиты и требуя от обороняющегося определенной осмотрительности и взвешенности, противопоставляет опасному для жизни насилию не только насилие иного содержания, но и деяние, вообще не обладающее насильственным характером, является всего лишь одним из возможных вариантов толкования изучаемого законоположения. Нередко интерпретаторы последнего исходят из того, что в ч. 1 и 2 ст. 37 УК РФ законодатель сравнивает лишь виды насилия, когда различным образом решает вопрос о правомерности защиты. Не случайно в научной литературе термин «общественно опасное посягательство» ча-

сто подменяется словом «нападение» ([12, с. 8; 13, с. 23] и др.).

Такому толкованию способствует также нормативное содержание ч. 2¹ ст. 37 УК РФ.

Так, положения данной части были призваны уточнить границы правомерной обороны и исключить признак явности выхода за пределы таковых для той ситуации, когда вызывающее оборону посягательство было неожиданным для обороняющегося лица, в связи с чем последнее не могло объективно оценить степень и характер грозящей ему опасности. Однако, описывая источник опасности такого рода с помощью лексической единицы «нападение», законодатель оставляет слишком мало места для сомнений в том, что не только в ч. 1, но и в ч. 2 ст. 37 УК РФ речь идет об отражении общественной опасности насильственного деяния. Дело в том, что для закрепления в ч. 2¹ соответствующего предписания правотворцем избрана технология конструирования субсидиарной нормы, т. е. нормы, конкретизирующей содержание предыдущей, дополняющей тем самым характеристику ранее (в ч. 2) упомянутого посягательства, при котором у обороны уже появляются определенные границы, добавляется признак неожиданности, вследствие чего эти границы несколько раздвигаются. Создается впечатление, что используемый в ч. 2¹ ст. 37 УК РФ признак «нападение» – это также обязательная черта посягательства, о котором идет речь в ч. 2. Между тем неперенным признаком нападения на практике признается целенаправленность и противоправность действий, а равно выполнение последних путем применения насилия или угрозы его немедленного применения^{2*}.

Пониманию основания необходимой обороны исключительно как насильственного действия в немалой степени способствовала и интерпретация понятия «общественно опасное посягательство» Пленумом Верховного Суда СССР в уже утративших силу постановлениях. Достаточно, в частности, отметить, что по тексту постановления № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств»^{3*}, слово «нападение» применительно к характеристике качества посягательства, которое может отражаться путем причинения вреда, упоминалось 10 раз! Понимание права необходимой обороны как ответной реакции исключительно на нападение находило отражение и в более ранних интерпретационных актах Пленума Верховного Суда СССР^{4*}.

^{2*} О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 1997 г. № 1 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс / ООО «ЮрСпектр». М., 2019.

^{3*} О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 г. № 14 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс / ООО «ЮрСпектр». М., 2019.

^{4*} О недостатках судебной практики по делам, связанным с применением законодательства о необходимой обороне : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 23 октября 1956 г. № 8 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс / ООО «ЮрСпектр». М., 2019; О практике применения судами законодательства о необходимой обороне : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 декабря 1969 г. № 11 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс / ООО «ЮрСпектр». М., 2019.

Остается только строить догадки относительно того, преследовал ли законодатель, изменяя в 1994 г. редакцию ст. 13 УК РСФСР 1960 г.^{5*}, а также конструируя ст. 37 УК РФ 1996 г., а затем редактируя данную статью, цель легализовать сложившуюся практику толкования термина «общественно опасное посягательство» применительно к институту необходимой обороны либо просто, как и в неко-

торых других случаях, не сработала законодательная техника. К последнему варианту, судя по всему, склонился Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении № 19 от 27 сентября 2012 г. «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» (далее – постановление от 27 сентября 2012 г.)^{6*}.

О повороте в практике толкования термина «общественно опасное посягательство» и необходимости оптимизации регламентации института необходимой обороны

В части решения рассматриваемого в нашей работе вопроса революционность положений действующего постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации не вызывает сомнений. Признанием того факта, что помимо посягательства, сопряженного с насилием или угрозой его применения, посягательством, от которого возможна оборона, является также «совершение и иных деяний (действий или бездействия), в том числе по неосторожности, предусмотренных Особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации, которые хотя и не сопряжены с насилием, однако с учетом их содержания могут быть предотвращены или пресечены путем причинения посягающему вреда», пленум преодолел-таки практику чрезмерно узкого понимания общественно опасного посягательства как одного из условий использования права на необходимую оборону. При этом предпринятый высшим судебным органом России шаг нам представляется прогрессивным, соответствующим духу современного уголовного законодательства, нацеленного на обеспечение безопасности человека (ч. 1 ст. 7 УК РФ), и позволяющим решить ряд доктринальных и практических проблем, до сих пор не нашедших удовлетворительно-го разрешения.

Во-первых, наметился поворот к сближению смыслов термина «посягательство» в уголовно-правовых нормах общего характера.

Во-вторых, новая трактовка, в отличие от прежней, не позволяет оставить за рамками основания необходимой обороны множество преступных деяний, выполняемых в форме активных действий, но не носящих насильственного характера (кража, ненасильственный грабеж и др.), либо посредством уголовно наказуемого бездействия. А следовательно, минимизируется количество случаев применения не по назначению положений ст. 38 и 39 УК РФ, реализация которых вместо ст. 37 существенно ухудшала бы положение носителя права на необходимую оборону.

Причинение вреда при защите от общественно опасного поведения, которое не может рассматриваться в качестве нападения, абсолютно неверно оценивать с позиции института задержания лица, совершившего преступление, хотя бы уже по причине кардинального отличия цели обороняющегося от устремлений лица, задерживающего преступника. При задержании преступника лицо стремится обеспечить неотвратимость уголовной ответственности или исполнения приговора и исключить тем самым возможность совершения преступником новых противоправных действий [14, с. 97], тогда как при необходимой обороне предмет волевых усилий обороняющегося – защита своих или чужих благ, интересов и ценностей, нарушаемых посягательством.

Неприменимы к ситуации защиты от подобных деяний и положения, устанавливающие условия правомерного причинения вреда при крайней необходимости, поскольку речь в данном случае идет не об устранении потенциальной опасности, исходящей от лица, не связанного с ее созданием, а о нейтрализации, пресечении, прерывании уже совершаемого акта противоправного общественно опасного поведения.

Сказанное касается и такой формы последнего, как бездействие, вопреки убежденности в обратном некоторых исследователей.

Как полагал М. Д. Шаргородский, принуждение к надлежащему исполнению обязанности, от которой уклоняется субъект бездействия (обязанное лицо), образует состояние крайней необходимости [15, с. 87]. Отрицает квалификацию понуждения с помощью насилия к исполнению обязанности и предотвращению наступления вреда по правилам о необходимой обороне и Ю. В. Баулин, ограничиваясь без какого-либо объяснения лишь констатацией, что «такие действия не соответствуют признакам необходимой обороны и... охватываются правилами иных обстоятельств, исключающих общественную опасность и противоправность деяния» [16, с. 233].

^{5*} Уголовный кодекс РСФСР : утв. Законом РСФСР от 27 окт. 1960 г. (ред. от 30 июля 1996 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс / ООО «ЮрСпектр». М., 2019.

^{6*} О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс / ООО «ЮрСпектр». М., 2019.

Между тем никаких оснований не признавать бездействие, являющееся формой выполнения деяния в материальном составе преступления, поводом к необходимой обороне, выражающейся в причинении вреда обязанному лицу для понуждения его эту обязанность исполнить в целях предотвращения существенного вреда охраняемым законом интересам, не имеется. Равно как и нет оснований для оценки такого вреда по правилам о крайней необходимости. Здесь, как и в других случаях необходимой обороны, уже началось развитие причинной связи, которое способно привести к неминуемому негативному результату, нарушению тех благ, которые поставлены под защиту уголовного закона. Причем это развитие обусловлено игнорированием правовой обязанности лицом, на которое она была возложена и которое имело реальную возможность выполнить данную обязанность.

В-третьих, предложенное Пленумом Верховного Суда РФ в постановлении от 27 сентября 2012 г. толкование термина «общественно опасное посягательство» подтверждает признание права на причинение вреда для защиты от преступлений, совершаемых с неосторожной формой вины. В самом деле, если подобным образом можно было бы обороняться лишь от нападения, для которого, как уже было замечено, обязательным является целеполагание, целеустремленность поведения посягающего, сама постановка вопроса о форме вины к совершаемому им общественно опасному деянию и его последствиям была бы бессмысленной. Неосторожным общественно опасное деяние посягающего в этих условиях не могло бы быть в принципе. В то же время едва ли можно исключить ситуацию, в которой потребуются пресекать либо предотвращать, в частности с применением физической силы, поведение, способствующее причинить существенный вред объекту уголовно-правовой охраны, но составляющее, по сути, нарушение общих либо специальных норм предосторожности. О такой ситуации особо упоминает и Пленум Верховного Суда Российской Федерации в анализируемом постановлении, указывая в качестве примера неосторожного посягательства, от которого возможна предусмотренная ст. 37 УК РФ защита, неосторожное уничтожение или повреждение чужого имущества (абзац 2 п. 3).

Отмечая достоинства новой трактовки термина «общественно опасное посягательство» применительно к институту необходимой обороны, важно в итоге подчеркнуть, что данное толкование в большей степени, чем имевшееся в судебной практике ранее, отвечает назначению права на необходимую оборону – служить необходимой уголовно-правовой гарантией права гражданина защищать свои и другие охраняемые законом интересы всеми не запрещенными нормативно способами. Не следует

забывать, что данное право естественно по происхождению, не даруется государством, а лишь санкционируется им; реализация же этого права всегда является мерой вынужденной и представляет собой реакцию на дисбаланс работы правоохранительной системы, не способной обеспечить защиту человека и общества во всех без исключения опасных ситуациях, а равно бороться с преступностью, не опираясь на помощь граждан. Значимость указанной гарантии – еще один довод против оценки фактов защиты от ненасильственных общественно опасных деяний с позиции иных, нежели в ст. 37 УК РФ, норм, включенных в гл. 8 УК РФ, которые предусматривают более жесткие критерии пределов правомерности причинения вреда. В связи с этим актуальными видятся предложения о создании в рамках гл. 8 УК РФ коллизионной нормы, позволяющей разрешать конкуренцию различных оснований, исключающих преступность деяния, в пользу применения того из них, которое наиболее лояльно оценивает поведение причиняющего вред лица, т. е. содержит наиболее широкие границы правомерности такого причинения [17, с. 128].

Однако при всей прогрессивности трактовки Пленумом Верховного Суда Российской Федерации основания необходимой обороны сомнения в правильности понимания высшим судебным органом России государственной воли все же остаются. К тому же следует напомнить, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации адресует свои рекомендации правоприменителю, в то время как закрепленные в ст. 37 УК РФ дозволения обращены прежде всего к обычному гражданину, не искушенному в преодолении сложностей толкования уголовного закона. Следовательно, кардинальное изменение в содержании столь важного уголовно-правового института не может базироваться на новеллах интерпретации законодательства, а предполагает основательное реформирование последних. Регламентация в УК РФ основания необходимой обороны настоятельно требует уточнения. Нормативная модель такого основания должна соответствовать охранительной и предупредительной задачам уголовного законодательства, а значит, воплощать в себе все варианты человеческого поведения, способного причинять вред объектам уголовно-правовой охраны, если предотвращение либо пресечение подобного поведения принципиально возможно посредством оборонительных действий. Отказываться в этих целях от обозначения основания необходимой обороны с помощью термина «общественно опасное посягательство» необязательно. В ст. 37 УК РФ он необходим как несущий дополнительную функциональную нагрузку: данный термин обеспечивает логическую связь между описанием признака вредоносности отражаемого поведения и характеристикой благ, защи-

щаемых от последнего. А вот контекст употребления этого не лишённого многозначности понятия следует подкорректировать таким образом, чтобы любой адресат уголовно-правовой нормы мог судить о защите от нападения (насильственного деяния) лишь как о частном случае необходимой обороны.

В этом отношении менее уязвима, например, редакция ст. 34 Уголовного кодекса Республики Беларусь^{7*}, в которой дефиниция необходимой обороны (ч. 2) предшествует определению понятия превышения пределов такой защиты (ч. 3) и при этом никакого акцента на насильственном характере отражаемого деяния не сделано.

Заключение

Сформулируем в заключении некоторые выводы.

1. Многозначность термина «общественно опасное посягательство», обозначающего в ст. 37 УК РФ поведение, выступающее основанием необходимой обороны, безусловно, создает некоторые трудности для уяснения смысла сформулированного законодателем дозволения. Контекст, куда помещен данный термин, использование которого обеспечивает логическую связь между описанием названного основания и характеристикой подлежащих защите социальных благ, не позволяет минимизировать негативные последствия этой многозначности. Этим создаются предпосылки для такого понимания закона, которое существенно ограничивает право на необходимую оборону, препятствует осуществлению указанного права в соответствии с его функциональным назначением.

2. Отказ Пленума Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 27 сентября 2012 г.

от трактовки общественно опасного посягательства в значении исключительно насильственных действий, долгое время имевшей место в судебной практике, думается, продиктован как раз стремлением не допустить подобного рода ограничения и максимально приблизить результат толкования к смыслу понятия «общественно опасное деяние». Данную позицию высшего судебного органа России следует оценить как прогрессивную. Однако даже самый хороший интерпретационный акт не может служить панацеей от неверного понимания законоположений обычными гражданами. Чтобы последние активно пользовались своим правом на необходимую оборону, требуется изменение редакции ст. 37 УК РФ, это право закрепляющей. Вывод о том, что нападение является лишь частным случаем общественно опасного посягательства, служащего основанием для правомерной защиты, должен вытекать непосредственно из закона.

Библиографические ссылки

1. Алексеев СС. *Проблемы теории права: курс лекций. Собрание сочинений. Том 3.* Москва: Статут; 2010. 781 с.
2. Керимов ДА. *Законодательная техника.* Москва: Норма-Инфра; 1998. 121 с.
3. Шаргородский МД. *Избранные работы по уголовному праву.* Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс; 2003. 432 с.
4. Иванов ЕА. *Логика.* Москва: БЕК; 1996. 298 с.
5. Тихонова СС. *Юридическая техника в уголовном праве.* Нижний Новгород: ДЕКОМ; 2008. 244 с.
6. Кострова МБ. Языковая детерминированность уголовного закона. В: Разгильдиев БТ, редактор. *Предмет уголовного права и его роль в формировании уголовного законодательства Российской Федерации: сборник материалов научно-практической конференции, посвященной памяти профессора А. Н. Красикова; 25–26 апреля 2002 г.; Саратов, Россия.* Саратов: СГАП; 2002. с. 64–67.
7. Орехов ВВ. *Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния.* Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс; 2003. 215 с.
8. Даль ВИ. *Толковый словарь живого великорусского языка. Том 3.* Москва: Рипол классик; 2006. 549 с.
9. Горелик АС, Лобанова ЛВ. *Преступления против правосудия.* Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс; 2005. 491 с.
10. Мальцев ВВ. *Общественно опасное поведение в уголовном праве.* Москва: Юрлитинформ; 2014. 646 с.
11. Таганцев НС. *Русское уголовное право. Том 1.* Тула: Автограф; 2001. 798 с.
12. Кибальник АГ. *Обстоятельства, исключающие преступность деяния.* Москва: Илекса; 2009. 74 с.
13. Щелконогова ЕВ. *Обстоятельства, исключающие преступность деяния: природа, система, квалификация* [автореферат диссертации]. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет; 2014.
14. Лобанова ЛВ. Проблемы законодательной регламентации целей правомерного причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция.* 2009;11:95–98.
15. Шаргородский МД. *Вопросы Общей части уголовного права (законодательство и судебная практика).* Ленинград: Издательство Ленинградского университета; 1955. 256 с.
16. Баулин ЮВ. *Обстоятельства, исключающие преступность деяния.* Харьков: Основа; 1991. 359 с.
17. Рожнов АП. Глава 8 УК РФ: влияние логичности содержания на эффективность предупреждения преступности. *Всероссийский криминологический журнал.* 2017;11(1):119–131. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(1).119–131.

^{7*} Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З [Электронный ресурс]. URL: http://etalonline.by/document/?regnum=hk9900275&q_id=994196 (дата обращения: 12.04.2019).

References

1. Alekseev SS. *Problemy teorii prava: kurs lektzii. Sobranie sochinenii. Tom 3* [Problems of the theory of law: Lectures. Collected works. Volume 3]. Moscow: Statut; 2010. 781 p. Russian.
2. Kerimov DA. *Zakonodatel'naya tekhnika* [Legislative technique]. Moscow: Norma-Infra; 1998. 121 p. Russian.
3. Shargorodskii MD. *Izbrannye raboty po ugovnomu pravu* [Selected works on criminal law]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press; 2003. 432 p. Russian.
4. Ivanov EA. *Logika* [Logic]. Moscow: Beck; 1996. 298 p. Russian.
5. Tikhonova SS. *Yuridicheskaya tekhnika v ugovnom prave* [Legal technique in criminal law]. Nizhny Novgorod: DEKOM; 2008. 244 p. Russian.
6. Kostrova MB. Language determinism of criminal law. In: Razgil'diev BT, editor. *Predmet ugovnogo prava i ego rol' v formirovanii ugovnogo zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii: sbornik materialov nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati professora A. N. Krasikova; 25–26 aprelya 2002 g.; Saratov, Rossiya* [Subject of criminal law and its role in the formation of the criminal legislation of the Russian Federation: collection of articles of scientific-practical conference in memory of professor A. N. Krasikov; 25–26 April 2002; Saratov, Russia]. Saratov: Saratov State Academy of Law; 2002. p. 64–67. Russian.
7. Orekhov VV. *Neobkhodimaya oborona i inye obstoyatel'stva, isklyuchayushchie prestupnost' deyaniya* [Necessary defence and other circumstances excluding criminality of act]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press; 2003. 215 p. Russian.
8. Dal' VI. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. Tom 3* [Explanatory dictionary of the living great Russian language. Volume 3]. Moscow: Ripol Klassik Publishing House; 2006. 519 p. Russian.
9. Gorelik AS, Lobanova LV. *Prestupleniya protiv pravosudiya* [Crime against justice]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press; 2005. 491 p. Russian.
10. Mal'tsev VV. *Obshchestvenno opasnoe povedenie v ugovnom prave* [Socially dangerous behavior in criminal law]. Moscow: Yurlitinform; 2014. 646 p. Russian.
11. Tagantsev NS. *Russkoe ugovnoe pravo. Tom 1* [Russian criminal law. Volume 1]. Tula: Autograph; 2001. 798 p. Russian.
12. Kibal'nik AG. *Obstoyatel'stva, isklyuchayushchie prestupnost' deyaniya* [The circumstances excluding criminality of act]. Moscow: Ilex; 2009. 74 p. Russian.
13. Shchelkonogova EV. *Obstoyatel'stva, isklyuchayushchie prestupnost' deyaniya: priroda, sistema, kvalifikatsiya* [Circumstances precluding crime: nature, system, qualification] [dissertation abstract]. Ekaterinburg: Ural State Law University; 2014. Russian.
14. Lobanova LV. Problems of legislative regulation of the purposes of lawful infliction of harm in the detention of a person who committed a crime. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5. Yurisprudentsiya*. 2009;11:95–98. Russian.
15. Shargorodskii MD. *Voprosy Obshchei chasti ugovnogo prava (zakonodatel'stvo i sudebnaya praktika)* [Questions of the General part of criminal law (legislation and judicial practice)]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta; 1955. 256 p. Russian.
16. Baulin YV. *Obstoyatel'stva, isklyuchayushchie prestupnost' deyaniya* [Circumstances excluding the criminality of the act]. Kharkiv: Osnova; 1991. 359 p. Russian.
17. Rozhnov AP. Chapter 8 of the Criminal Code of the Russian Federation: the impact of its contents' consistency on the effectiveness of crime prevention. *Russian Journal of Criminology*. 2017;11(1):119–131. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(1).119-131. Russian.

Статья поступила в редколлегию 29.04.2019.
Received by editorial board 29.04.2019.